

«Нам не хватает такого, как Вольтер. Не вождя, который поведет армии, а духовного лидера, который и сдержит своим обаянием революции, и будет чувствовать социальную справедливость».

Кирсанов

— Несколько лет назад я читал книгу о переписке Вольтера и Екатерины Второй. Там много было цитат из писем, которые звучали своеобразным диалогом очень близких людей, чуть ли не влюбленных, даже с некоторыми моментами ревности. И я подумал: сочинить бы в жанре true stories which newer happened — правдивые истории, которых не было, — такую как бы анекдотическую историю, наполнив ее множеством достоверных деталей, не очень серьезную, как часто у меня бывает в начале, а потом углубить... Особенно меня пленяла идея встречи Вольтера и Екатерины.

— Но ведь в реальности они не встречались.

— Во всяком случае, мы не знаем об этом, а здесь императрица назначила бы философи свидание где-то в Европе и на свидание выехала на стопушечном корабле... И так, между делом, начал заполнять альбом, толстый такой, различными сведениями об эпохе, именами, деталями убранства мундира Семеновского или Преображенского полка, выражениями, эпиграммами. Какие-то стихи вольтеровские переводил. Все это накапливалось, накапливалось — вдруг появлялся кусок прозы, например, выход линейного корабля в море... Потом пересекался с другом. Пока не почувствовал: можно начинать последовательное повествование.

— Это похоже на игру в роман.

— Вот именно — просто сочинительство. Никаких заранее подготовленных идей, планов, интересовало лишь, что получится с этим материалом в результате моей конструктивной деятельности. И это был главный кайф работы. Я не знал, что будет на следующей странице или через десять страниц.

— В результате получился старинный роман, одним из героев которого, причем полноправным, стал язык. В нем — сочетание архаики с языком допушкинской поры, щедро сдобренным калькированными французскими оборотами... Коктейль, из которого, может быть, и вырос современный русский язык?

— Самым страшным для меня было — найти языки. Иногда я был на грани того, чтобы бросить все это. Потом все-таки удалось поймать интонацию, в которой можно использовать архаику и в то же время встроить наш день. А потом в романе многое о Вольтере, и надо было учить его манеру речи. В сравнении с современным французским он говорил витиевато, с невероятными любезностями и преувеличениями. Примерно так, как сейчас французы завершают свои письма: «Примите мои уверения в совершеннейшем почтении».

— Приведенные в романе вольтеровские письма для современного читателя тонально приторно-льстивы. Но Вольтер не был льстецом?

— Вольтер был невероятным льстецом. В этом-то и сложность его личности. А еще Вольтер, выражаясь современно, был немыслимым пиарщиком. Он обладал грандиозными связями в аристократическом мире и не упускал возможности пользоваться ими.

— Философ знал толк в бизнесе?

— Еще как! В определенный мо-

О ВОЖДЯХ И КРАСАВИЦАХ

Моск. новости — 2004 — 5 февр. — с. 12

мент он понял, что должен стать богачом. Премьера «Семирамиды» принесла четыре тысячи ливров, и он сразу отдал деньги в рост. Через «нужных» людей доставал подряды для армии, поставлял в армию сукно, провинт и колоссально разбогател. И все это сочеталось в нем с искренним вниманием к униженным и оскорбленным, с борьбой против лицемерия... «Раздавить лицемерие», — он сказал.

— Вольтер у нас порядком забыт, на нем лежит печать чего-то скучного, хотя философствовал он мимоходом, шутейно, чем и восхищался Пушкин.

— У меня такое ощущение, что он и сам говорит: «Я не настоящий философ». Он им и не был. Но был демиургом. Мне захотелось, что называется, освежить представление о нем. Сказать, какой это был неотразимый человек огромной созидающей силы. Ему никто не мог отказать, аристократы бросались ему служить, народ распрагал его экипаж и тащил на себя карету — его безумно любили. Откуда бы это взялось, если бы он был скучным? У меня он много вспоминает свои любовные дела, и своих друзей, и мадемузель Лепинас, и Эмили дю Шатле. Кстати, Эмили считалась в ту пору уродиной. А я написал, как маркиза дю Шатле входит в блестящий макияж, в бриллиантах и шуршащих юбках, которые резко отбрасывают ее ноги. Вольтеру кажется, что она идет по какому-то помосту. По-нашему — это дефиле, а она — современная красавица высокого роста с длинными ногами.

— Не только эта красавица по-дибуя кажется нашей современницей — 70-летний Вольтер у вас предстает не стариком XVIII века, а личностью с феерической харизмой. Если какому-то политику создавать имидж, то следовало бы многое позаимствовать у Вольтера.

— Да, нам не хватает такого, как Вольтер. Не вождя, который поведет армии, а духовного лидера, который и сдержит своим обаянием революции, и будет чувствовать социальную справедливость. Просвещенного, элегантного человека с большим чувством юмора. Но, увы, нет даже наемка на такого.

— Действие романа происходит в 1764 году, когда Екатерина только взошла на престол. Вольтер видел в Екатерине молодого монарха, которому можно привить либеральные идеи для создания гармонического общества. Сейчас в который раз решается судьба страны и судьба либеральных идей. Ситуации хоть в чем-то совпадают?

— Поразительно, но та ситуация совпадает с нынешними разговорами о создании либеральной империи. Во Франции «философы» раз-

рушали религию и в то же время боялись революции. Они ведь никогда не думали, что победят: в 60-е годы они просто обалдели, увидев, как широко распространился нигилизм. Конечно, Вольтер и Дидро надеялись на либеральную империю. И в Екатерине они видели идеал правительницы.

— Как была придумана история встречи Вольтера с Екатериной?

— Сначала я думал написать просто: как Екатерина приезжает и как такая дама прекрасная входит — и все. А потом вспомнилось, что тогда очень увлекались маскарадами. Елизавета приказывала кавалерам приходить в дамском одеянии, а дамам в мужском, была странная такая андрогенность петербургского двора. Сама очень любила носить мундиры. Екатерина то же самое — безумно любила переодеваться. И как-то призналась, что в мужском наряде объяснялась в любви одной dame. Мне кажется, это не просто переодетая Екатерина, это — некий мускулинический фантом, ее мужское «я». У меня в романе также все переодеваются, чем создается атмосфера двусмысличности: вроде бы все любовники всех. И Вольтер ловит себя на мысли, что влюблен в Фон-Фигина, одного из героев. Влюблен и очень боится этого. Ему в Сан-Суси Фридрих, совершеннейший гомик, подсовывал своим адъютантам и очень разочаровался, когда тот не соответствовал... А тут нате — безумная страсть к мужчине... Вот такая началась игра. Это, конечно, маскарад, сомовский маскарад.

— А можно это представить и как заигрывание с читателем.

— Нет, нет и нет! Мне тоже приходило на ум, что могут подумать о некой спекуляции. Но надо все время иметь в виду — это веяние соединения полов, когда мужчины носили драгоценности, завивались, пудрились... Это — выражение женственного веяния, а не гомосексуализм. Вообще трудно сказать, что такое гомосексуализм. И как он распространяется. Ведь нельзя считать, что с развитием цивилизации сильнее. Напротив, в античном мире его было гораздо больше. Ницше говорил, мы — «гомосапиенс» — переходная раса, не окончательное развитие человека, что появится следующий человек. Он имел в виду не сверхчеловека, а «человек будущего». Не исключено, что тогда не так четко будет выражено различие полов.

— Без диалога Вольтера и Фон-Фигина в романе осталась бы прелесть приключений и безудержной фантазии, но был бы утерян главный смысл написанного. Вы не побоялись так много места уделить философии?

— Нет, философия проходит через весь центр романа. Особенно важна встреча Вольтера и Фон-Фигина.

Выходит в свет новый роман

Василия Аксенова

«Вольтерьянцы
и вольтерьянки». О героях своего произведения — и не только о них — писатель беседует с корреспондентом «МН»

Василий Аксенов и Евгений Попов всегда в диалоге

Здесь и черт появляется, объявляет себя атеистом, требует у Вольтера не увиливать и объявить, что Бога нет. А тот не может этого. В общем, здесь основное столкновение взглядов, идей, возникающий ужас лиссабонской катастрофы 1755 года. Я очень долго с этой главой возился.

— Живописные описания русских имений — с чего начинается родина — это лишь вымысел?

— Реальность. Я описал наше родовое, с папиной стороны, село Покровское Рязанской области. Когда я первый раз приехал туда с отцом в начале 60-х, мне рассказывали, что на холме, вот тут вот, барин пустил лебедей в пруды, там беседки построили... А теперь — пьяница безумная в избе — корова, куры... Родственница Таня утром нам с отцом выносила яичницу из двадцати яиц и бутыль мутного самогоня. На наши возражения отвечала: «Вы же на отыдете...» Я стал представлять, как жили помешанные здесь, в Покровском. Вот оттуда и взялись мои герои Коля и Миша. Они — предтеча байронизма в России — были отцами декабристов. Декабристское восстание — не что иное, как восстание байронитов, а уже за байронической фазой образовалось за пару десятилетий то, что мы называем русской интеллигентией. Эти властители дум в общем-то большие прагматисты, атеисты, позитивисты. Что, я думаю, противоречит байроническому складу. Поэтому, мне кажется, если в России новая интеллигентия возникнет, она будет все-таки не политической.

— Неужели байронической?

— Опять байронической. Даже у таких людей, как олигархи, проглядывают черты байронизма. Посмотрите, одному из них дают возможность бегства, он отправляется в тюрьму. Другой приезжает на территорию фактически Советского Союза под именем Платон Еленин. Разве это не байронизм?

— Ну, хорошо, возникнут байронические интеллигенты и что они смогут сделать? Привить аристократический дух?

— Пожалуй. Они смогут создать новую атмосферу жизни. Наш народ еще, прямо скажем, темный. Ему до сих пор кажется, что за границей живут совсем другие люди, им гораздо ближе какой-нибудь хам из областной администрации, чем бизнесмены, финансисты, туманитарии. С опаской смотрят на другие конфессии, вера подменяется ритуалом веры...

— Однако по оценкам социологов, десять миллионов разделяют либеральные идеи.

— В одном я согласен с Чубайсом — результат правых на выборах — это не разгром, а поражение в одном сражении. Как ни странно, и правящая партия может быть некоторым гарантом существования оппозиции. Если придут разногласия, будет еще неприятнее. И все же тоталитарный мир слабее либерального. Он, как в анекдоте, «сильный, но легкий». Его можно выбросить в окно. И он рассыпается. А либерализм обладает какой-то вязкостью. Вот вроде его уже совсем забили, он пребывает в ничтожестве, как сейчас, однако он обязательно возродится.

Беседовала Ирина БАРМЕТОВА

Роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» публикуется в журнале «Октябрь», №1, 2, а также выходит в издательстве «Изографус»